

Журавлева Татьяна Павловна

**К ИССЛЕДОВАНИЮ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА АВТОРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА:
ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Статья посвящена исследованию речевого портрета автора повествовательного произведения, разграничению автора художественного текста и автора литературного произведения. На основании данного деления в статье предлагается прагмалингвистический метод выявления речевого поведения субъекта повествования, его параметрические и статистические характеристики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/3-1/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 79-84. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

5. **Гладуш Н. Ф.** Повествовательные директивы в современном английском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. / КГПИИЯ. Киев, 1985. 22 с.
6. **Дорошенко А. В.** Побудительные речевые акты и их интерпретация в тексте (на материале английского языка): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1985. 26 с.
7. **Кайкова И. Б.** Прагматический аспект предложения (на материале побудительных высказываний немецкого языка): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1993. 16 с.
8. **Кюрегян А. Г.** Функционально-семантический класс побудительных стереотипных коммуникативов диалогического текста: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1990. 22 с.
9. **Любимов А. О.** Средства выражения побуждения в португальском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1984. 20 с.
10. **Почепцов Г. Г.** Прагматический аспект изучения предложения // ИЯШ. М., 1975. № 6. С. 15-26.
11. **Слюсарева Н. А.** Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М.: Наука, 1981. 206 с.
12. **Храковский В. С., Володин А. П.** Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986. 270 с.
13. **Чахойян Л. П.** Речевое действие повеления в семантико-синтаксическом и коммуникативно-функциональном аспектах // Императив в разноструктурных языках: тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». Л.: Ленингр. отд-е ИЯ АН СССР, 1988. С. 143-144.
14. **Arnaud G.-J.** La défroque. Paris: Fleuve noir, 1992. 222 p.
15. **Brunot F.** La pensée et la langue (méthode, principes et plan d'une théorie nouvelle du langage appliquée au français). Paris: Masson et Cie, 1936. 982 p.
16. **Sabatier R.** Les Allumettes suédoises. Paris: Albin Michel, 1969. 312 p.
17. **Sagan F.** Un piano dans l'herbe // Comédies. M.: Radouga, 1986. 170 p.
18. **Saint-Exupéry A.** Le Petit prince. Paris: Editions Albin Michel, 1990. 89 p.
19. **Saint-Exupéry A.** Pilote de guerre. Paris: Editions Albin Michel, 1995. 240 p.
20. **Saint-Exupéry A.** Terre des hommes. Paris: Editions Albin Michel, 1992. 168 p.
21. **San-Antonio.** La personne en question // Mes espionnages - I. Paris: Fleuve noir, 1992. 505 p.
22. **Simenon G.** Pedigree // Tout Simenon 2. Paris: Presse de la Cité, 1988. 894 p.

**PRAGMATIC REALIZATION OF IMPERATIVE CATEGORY IN FRENCH DISCOURSE
(BY EXAMPLE OF SPEECH ACTS OF ORDER AND COMMAND)**

Erofeeva Elena Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ural State Pedagogical University
erofeeva@2-u.ru

Imperative category interpretation problem is revealed, the pragmatic peculiarities of directive speech acts are considered in the article. The language means variability of order and command expression in the French language is researched. The author suggests a semantic model of the mentioned speech act, deviation from which is regarded as an indirect way of its expression. Indirect ways are analyzed at semantic, morphological and syntactic levels.

Key words and phrases: imperative category; directives; speech acts of order and command; pragmatic analysis; communicative roles; illocutive intention; causation; obligatory and benefactive character of action.

УДК 811

Филологические науки

Статья посвящена исследованию речевого портрета автора повествовательного произведения, разграничению автора художественного текста и автора литературного произведения. На основании данного деления в статье предлагается прагмалингвистический метод выявления речевого поведения субъекта повествования, его параметрические и статистические характеристики.

Ключевые слова и фразы: прагмалингвистика; скрытые интенции; интенциональное состояние автора текста художественного произведения; субъект одиночества; художественный текст; художественное произведение; скрытая прагмалингвистика; речевое поведение; речевой портрет.

Журавлева Татьяна Павловна

Пятигорский государственный лингвистический университет
zhurata@bk.ru

**К ИССЛЕДОВАНИЮ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА АВТОРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА:
ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД©**

Речевое поведение представляет собой сложное явление, рассматриваемое рядом наук о человеке и, в первую очередь, современной лингвистикой в её антропоцентрической парадигме [30; 35, с. 49-51], когда язык рассматривается в плане речевой деятельности не абстрактного носителя языка, а реального человека в его когнитивной, эмоциональной, социальной и т.д. активности.

Одним из важных предметов исследования речевого поведения является рассмотрение манифестаций в речи различных психологических состояний говорящего субъекта, выявление языковых и речевых средств выражения его отношения к окружающей действительности.

Связь речи с ситуацией и контекстом её порождения уже на протяжении нескольких десятков лет является объектом изучения лингвистической прагматики, или прагмалингвистики, – направления, зарекомендовавшего себя как открывающее перспективу научной интерпретации многих явлений, выходящей за рамки традиционной системно-структурной лингвистики [12, с. 554-556; 34] и др.

Ощущение и осознание определенных социо-физиологических состояний человека, таких, как любовь, ненависть, гнев, радость и т.п., проявляется в его речевом поведении, в выборе тех или иных языковых и речевых средств выражения. Одним из таких экзистенциальных [11] и интенциональных [43] состояний является состояние одиночества, неоднозначно и небезразлично (аксиологически маркировано) переживаемое человеком.

Данная статья представляет некоторые логико-теоретические обоснования лингвопрагматического анализа речевого портрета автора художественного текста – субъекта интенционального состояния одиночества, проведенного нами на материале произведений авторов, составляющих цвет немецкой литературы XVIII-XX вв. и отражающих, по выражению В. Гумбольдта, «дух нации». Были рассмотрены художественные тексты литературных произведений И. В. Гете, Ж. П. Рихтера, Новалиса, Г. Клейста, Р. М. Рильке, Т. Манна, Г. Гессе, Ф. Кафки, Э. М. Ремарка, В. Борхерта, Ст. Цвейга, Г. Белля и Кр. Хайна [16].

Задачи исследования включали обоснование правомерности использования выбранных перспектив анализа, а именно: а) определение статуса категории «субъект одиночества» в преломлении к конкретным авторам известных литературных произведений; б) выявление интенциональной природы «состояния одиночества», выражаемого в художественном тексте; в) установление единиц анализа и объективных критериев выделения релевантных черт речевого портрета автора – субъекта интенционального состояния одиночества.

В свете этих задач необходимо решить вопрос о правомерности диагностирования личности писателя как субъекта состояния одиночества по тексту литературного произведения [24]. Выработанные критерии анализа и являются главным предметом данной статьи.

Критериями выбора материала исследования послужили две характеристики, лежащие в основе рассматриваемых художественных текстов, – формальная и сущностная. Сущностной характеристикой является то предметное содержание текстов, которое их объединяет – все выбранные тексты в той или иной степени посвящены теме одиночества.

Формальное основание для объединения столь разных литературных произведений состоит в их повествовательном характере.

Повествование как способ коммуникации объединяет различные художественные и речевые жанры. Повествовать могут миф, легенда, басня, сказка, новелла, эпопея, история, трагедия, драма, комедия, анекдот, картина и проч. [2, с. 196-197], объединенные, по выражению А. Ж. Греймаса, «медиативной ролью»: «...эта медиативность многообразна: это медиация между структурой и действием, между устойчивыми состояниями и историческими изменениями, между обществом и индивидом» [14, с. 194-195].

В структуре повествовательного произведения [33] классики французского структурализма выделяют две противоположные, но диалектически связанные тенденции: описываемые наличные обстоятельства *принимаются* автором, или они *отвергаются*. «В первом случае исходной точкой является констатация существования определенного порядка и необходимость оправдать и объяснить этот порядок. Этот наличный порядок, превосходящий человека потому, что это – социальный или природный порядок (предполагающий существование дня и ночи, лета и зимы, мужчин и женщин, молодых и стариков, земледельцев и охотников и т.п.), получает объяснение на уровне самого человека: поиск, испытание суть формы человеческого поведения, устанавливающего тот или иной порядок. Медиативная роль повествования состоит в «очеловечивании мира», в придании ему личностного и событийного измерения. Мир оправдан человеком, а человек включен в мир» [14, с. 194-195].

Во втором случае существующий порядок воспринимается как несовершенный, человек – как отчужденное существо, а наличная ситуация – как нетерпимая.

Таким образом, описывая состояние одиночества, автор (повествователь) может быть удовлетворен им (положительное отношение) или испытывать «недостачу», с которой предлагается бороться теми или иными способами (отрицание) или воспринимать его «феноменологически» и находиться в нем «экзистенциально» (амбивалентность оценки).

Однако такое отношение, несомненно, меняется на протяжении жизни (повествования) как с изменением обстоятельств, так и с переменами в мировоззрении автора (повествователя). Более того, оно подвержено влиянию исторического контекста, общественной оценке тех или иных обстоятельств, вкусовым ощущениям действительности (мода), литературным и идеологическим тенденциям.

Поэтому в параметры нашего анализа вводится, с одной стороны, критерий возраста писателя, а с другой – критерий динамики исторической оценки на протяжении трех веков – от XVIII до XX вв.

Такое введение исторического измерения, истории – объяснительной или проективной силы – придает дополнительный интерес анализу, позволяя поставить вопрос о важности и значении моделей, выявленных в результате исследования личностных характеристик автора в его отношении к одиночеству.

Несомненно, что автор при описании состояния одиночества не всегда сам находится в изоляции от других. Для литературы естественно несовпадение реальных ситуаций, жизненного опыта и состояний художника

с описываемыми событиями, модальностью и точкой зрения повествователя [1; 10; 39]. Более того, писатель может намеренно вводить в авторский текст внутренние голоса и точки зрения протагонистов, используя *полифонию* текста как стилистический прием [3], скрывая на какой-то момент собственные личностные смыслы, вызванные обстоятельствами повествования.

Поэтому, на наш взгляд, целесообразно различать автора – создателя литературного произведения и автора художественного текста (повествователя). Для уточнения такого допущения необходимо установить различие между категориями «литературное произведение» и «художественный текст». Это позволит предупредить попытки рассматривать проводимое исследование с точки зрения требований литературоведческого анализа.

Произведение и Текст – разнокачественные реальности, нуждающиеся в разных способах анализа [22, с. 35; 39, с. 12].

Литературное произведение принадлежит гению реального человека, и литературоведческое исследование есть, как правило, попытка понять самого художника, а его, по словам Вяч. В. Иванова, «анализировать пока мы, слава Богу, не научились, а лишь начали приближаться к пониманию в лучшем случае» [17, с. 18]. Именно понять целостно, не разлагая на части, «сколько бы любопытных и терминологически верных наблюдений мы не были в состоянии высказать по их поводу». Целое – это единство, которое художник «образует со своею частной биографией, с общей историей, с явленной ему действительностью и с тою литературой (национальной и общеевропейской), которой он принадлежит» [Там же]. Литературоведение, не прибегая, в основном, к аналитическому инструментарию, позволяющему объяснить самобытность художника, пытается подчеркнуть эту самобытность, опираясь, помимо метода исторических реминисценций, в лучшем случае на составление номенклатуры «приемов» из его «художественной мастерской», на стилистический анализ «языка писателя» [17; 39, с. 166-212]. Литературное исследование направлено на реконструкцию порождения (синтеза) художественного текста, в то время как лингвистическое (структурное) исследование художественного текста имеет в виду результат обратного процесса – его анализа [39, с. 14].

Текст же давно уже стал предметом строгого лингвистического анализа с его семиотическими – синтагматической, семантической и прагматической – характеристиками [7; 8; 13; 15].

Художественный текст – «это неперемное условие возникновения произведения; однако, в отличие от последнего, Текст не знает ни конца, ни начала, ни внутренней иерархии, ни линейной упорядоченности, ни нарративной структуры; если произведение можно определить как то, что «казался» автор, то Текст – это то, что «казалось» в произведении независимо от авторской воли» [22, с. 38].

Автор художественного текста – это некая *точка зрения* [39, с. 9-18], которую занимает автор литературного произведения, в той или иной мере отражающая его собственные мысли и чувства. Для обозначения этой ипостаси автора мы принимаем термин *повествователь*.

Однако на основании данных многих наук, сопрягаемых по этому поводу в одном фокусе, в частности, психологии и психолингвистики [5; 9; 10; 31; 40], можно сделать допущение, что бессознательные («помимо воли») речетекстовые манифестации точки зрения автора текста проявляют «речежанровый портрет» [25] автора художественного повествовательного произведения.

Приняв за исходное положение о корреляции интенциональных состояний автора произведения и автора текста, мы в дальнейшем говорим о речевом портрете и речевом поведении автора, имея в виду амальгаму обоих сущностей в едином субъекте рассматриваемого нами интенционального состояния одиночества. Однако в особых случаях, вслед за А. С. Пушкиным [1], мы говорим о *самостоянии* (автора произведения) и *интенциональности точки зрения* (повествователя).

В определенном смысле разграничение и объединение двух ипостасей субъекта одиночества коррелируют с делением субъекта высказывания на три сущности: субъект говорящий – субъект переживающий – протагонист (субъект, действующий в повествовании) [12, с. 559-560]. Нередко все три сущности объединяются в одном «я»:

«Ich brauche zu meinem Schreiben Abgeschlossenheit, nicht —wie ein Einsiedler», das wäre nicht genug, sondern wie ein Toter. Schreiben in diesem Sinne ist ein tiefer Schlaf, also Tod, und so wie man einen Toten nicht aus seinem Grabe ziehen wird und kann, so auch mich nicht vom Schreibtisch in der Nacht. Das hat nichts Unmittelbares mit dem Verhältnis zu Menschen zu tun, ich kann eben nur auf diese systematische, zusammenhängende und strenge Art schreiben und infolgedessen auch nur so leben» [42, S. 185] / «Для написания мне необходима уединенность, не как отшельнику, этого бы было мне недостаточно, а как покойнику. Письмо (творчество) в этом смысле – это глубокий сон, или смерть. И как невозможно покойника вытащить из могилы, также невозможно оттащить меня ночью от письменного стола. Это не имеет ничего общего с обществом, я могу писать (творить) только в таком систематическом, взаимозависимом, строгом виде, только так я живу».

Компромиссом между двумя подходами (литературным и лингвистическим) представляется методология исследования языковой личности [19], ставящая целью исследование личности, выраженной прежде всего в языке (т.е. текстах) и через язык, личности, реконструированной в основных своих чертах на базе языковых средств. Языковая личность – это углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще. Последнее соткано из противоречий между стабильностью и изменчивостью, устойчивостью мотивационных предрасположений и способностью поддаваться внешним воздействиям и самоощущению, трансформируя их результативные показатели на семантическом, когнитивном и мотивационном уровнях [Там же, с. 8].

В проблематику языковой личности органично вписывается, внося прагмалингвистическую перспективу, задача изучения *речевого поведения* как психолингвистического и культурологического феномена [36; 38].

В целом, в проблематике речевого поведения можно выделить два релевантных для нас аспекта – прогностический и статистический. Первый заключается в выявлении обобщенных на основании психолингвистической диагностики [4; 31] таких психологических характеристик, как интра- и экстравертированность, уверенность – неуверенность, агрессивность – толерантность, самодостаточность – ощущение беспокойства, эмоций – страх, тоска и т.д. [18; 23], личностные смыслы и конструкты [21, с. 302].

Второй, объективный, заключается в таксономии материальных (языковых и речевых) проявлений (маркеров) того или иного интенционального состояния, речевого и речеведческого портрета [25; 37]. Для обеспечения доказательности (валидности) результатов представляется целесообразным использовать методы статистической аналитики и контент-анализа текстовой информации, её перевода в количественные показатели на базе статистической обработки [28; 32].

Объективные методы составления речевого портрета автора художественного текста разработаны нами на основе и в рамках исследовательской парадигмы, именуемой «скрытой прагмалингвистикой» [26; 28]. Главное положение этой концепции состоит в том, что на основе речевого (текстуального) анализа можно составить речевой портрет отправителя текста, имеющий диагностирующую силу, позволяющую установить личностные качества автора.

В терминах данного направления *скрытое значение* можно определить как содержание грамматических и текстуальных речевых сигналов, которые актуализируют речевую, а следовательно и психологическую интенцию отправителя текста, и оптимальный набор которых позволяет диагностировать личностные свойства последнего [Там же].

Предметом исследования в скрытой прагмалингвистике является выбор отправителем текста оптимальных, в его представлении, *структурно-семантических вариантов* высказывания для эффективного воздействия на получателя текста [23]. В случае повествовательного жанра на основе литературного «реализма» [29, с. 347-348] цель воздействия заключается в стремлении достичь максимального резонанса в мыслях и чувствах читателя и унисона в интенциональных состояниях отправителя и получателя текста по отношению к той или иной предметной ситуации повествования [20, с. 41].

При таком подходе, во-первых, единицей анализа принимается «малая синтаксическая группа» (МСГ) [27], имеющая в своей семантике релевантный для цели исследования маркер (индекс): глагол пропозиционального отношения или вводную конструкцию, обозначающие модальность; маркеры субъективности и оценочности – личные и притяжательные местоимения, слова с оценочной коннотацией, способность к определенной синтаксической последовательности и синтагматическим связям, имплицитное или эксплицитное указание на интертекстовые реминисценции и проч.

Например, в отрывке из романа Т. Манна «*Tod in Venedig*» / «Смерть в Венеции»:

«*Wie irgend ein Liebender wünschte er, zu gefallen und empfand bittere Angst, dass es nicht möglich sein möchte*» / «Как всякий любящий, он хотел нравиться и терзался горестной боязнью, что это невозможно» [41]

– мы находим четыре МСГ, маркирующие (1) оценочные стереотипы, отсылающие к социальному плану, норме (*Wie irgend ein Liebender* / *Как всякий любящий*), (2) волитивную модальность, указывающую на интенциональное состояние протагониста (*wünschte* / *хотел*, *empfand Angst* / *боялся*), (3) противительную связь, указывающую на противоречие между объективной реальностью и субъективными интенциями (*хотел* / *wünschte* – *терзался* / *empfand bittere Angst*; *хотел* / *wünschte* – *невозможно* / *nicht möglich sein möchte*).

Во-вторых, совокупность и повторяемость таких маркеров позволяют говорить о семантико-прагматической стратегии автора литературного произведения (осознанной или неосознанной) в представлении сюжетного смысла, точки зрения повествователя, характерологических признаков персонажей, информации об их отличительных чертах, об «атмосфере» действия и т.п.

Таким образом, мы располагаем двумя взаимодополняющими направлениями исследования – анализом и синтезом.

В свете скрытой прагмалингвистики изучение речевого поведения коммуникантов проводится на материале созданных ими текстов и должно отвечать требованиям сопоставления, основанным на корреляции привычных, а следовательно, часто выбираемых языковых явлений с социально выделяемыми признаками личности. К таковым относятся возраст, образование, национально-культурная принадлежность, родной/неродной язык и др.

Такой корреляционный подход при разработке проблем скрытой прагмалингвистики опирается на социальную модель личности [28, с. 52].

В рамках *диахронно-личностного* подхода рассматриваются тексты одного и того же автора, но при этом изучаются срезы его речевого поведения на разных возрастных этапах («молодость», «взрослость», «зрелость» [Там же]). В задачи исследования входит поиск ответов на ряд вопросов: меняется ли и как речевое поведение одного и того же человека в детском, юношеском, молодом, пожилом возрасте; какие речевые характеристики остаются неизменными, а какие меняются; от чего зависят изменения в речевом поведении, т.е. изучается влияние социальной и природной среды на речевые привычки говорящего [Там же, с. 53].

Совокупность и индивидуальная стереотипность («идиостереотипность») стратегий позволяет, с одной стороны, говорить о речевом портрете автора литературного произведения, а с другой стороны, приблизиться к пониманию его языковой личности через стереотипы речевого поведения в преломлении к предметному плану «одинокость».

В рамках *синхронно-межличностного* подхода исследуются тексты одного и того же речевого жанра, созданные разными авторами.

Статистический анализ позволяет объективизировать наметившиеся в результате анализа выводы.

Например, одной из выделяемых стратегий является стратегия *субъективизации-объективизации* повествования, коррелирующая со стратегией участия/неучастия коммуникантов в речевом событии в терминах скрытой прагмалингвистики [Там же, с. 45].

Выделение такой стратегии обосновано тем обстоятельством, что одиночество может интерпретироваться как отсутствие субъект-субъектной связи (отсутствие общения). При интравертированном типе речевого поведения наблюдается субъективизация повествования (субъект – Ø). При этом протагонист или повествователь погружаются в пессимистические переживания, страдания от «недостачи» или невостребованности. Экстравертированный психологический тип компенсирует отсутствие адресата либо предметной деятельностью (субъект – объект), например, как известный персонаж Д. Дефо – Робинзон Крузо, либо создает себе адресата в лице воображаемого читателя (субъект – квази-субъект), к которому он обращается в текстах (см. выше пример из произведения Ф. Кафки). Соответственно выделяются три плана повествования – личностный, предметный и социальный.

Таким образом, личный/социальный/предметный речевые планы (ЛРП/СРП/ПРП) повествования свидетельствуют об интравертном или экстравертном (социальном), оторванном от действительности или ориентированном на активность интенциональном состоянии одиночества автора художественного текста как проекции речевого поведения автора литературного произведения.

Сравнительный анализ всех исследуемых текстов (100%) различных авторов показывает, что в произведении Г. Гессе «Петер Камендинд», написанном от 1-го лица, личный план достаточно высокий – 50,7% при социальном – 19,91%. При достаточно высоком личном плане Г. Гессе актуализировал предметный план намного меньше – 45,7%, чем СРП – 72,8%. В некоторых произведениях Э. М. Ремарка личный план выше (30,1%) при СРП – 19,91%. Для речевого поведения всех авторов возрастного периода «молодость» характерен низкий социальный план (СРП – 7,3%). Это свидетельствует об интравертном интенциональном состоянии субъекта одиночества. Однако в текстах военной тематики Э. М. Ремарка и В. Борхерта социальный и предметный планы значительно превышают личностный, что говорит об активном восприятии одиночества в ситуации общей угрозы и мобилизации усилий в предметной деятельности.

Еще один пример контент-анализа, представленный в таблице (Г. Гессе, С. Цвейг, Г. Бёльль):

Авторы	Планы	Кол-во МСГ	Личный		Социальный		Предметный	
			МСГ	%	МСГ	%	МСГ	%
1.Н. Hesse (1926) 49 "Steppenwolf"		1000	243	24,3	36	3,6	721	72,1
2.St. Zweig (1941) 60 "Schachnovelle"		1000	139	13,9	130	13	731	73,1
3.Н. Böll (1963) 46 "Ansichten eines Clowns"		1000	389	38,9	78	7,8	533	53,3
Всего МСГ		3000	771		244		1985	

Таким образом, для изучения речевого портрета автора повествовательного художественного текста с точки зрения прагмалингвистики большую роль играют выявление идиостереотипов речевого поведения, исследование интенционального отношения к экзистенциальной ситуации (например, одиночества) и выведение речевых стратегий, присущих повествовательным (нарративным) текстам.

Список литературы

1. Балашов Н. И. «Непринужденное самосостояние» художника: Веласкес // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 489-502.
2. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. С. 196-238.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
4. Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики. Модели мира в литературе. М.: Тривола, 2000. 248 с.
5. Белянин В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста. М.: Изд-во МГУ, 1988. 121 с.
6. Белянин В. П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. М.: Генезис, 2006. 320 с.
7. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 288 с.
8. Ван Дейк Т. А. Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
9. Волошинов В. Н. Фрейдизм. Критический очерк // Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 2000. 640 с.

10. Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Искусство, 1986. 573 с.
11. Гагарин А. С. Экзистенциалы человеческого бытия – одиночество, смерть, страх: от античности до Нового времени, историко-философский аспект: дисс. ... д. филос. н. Екатеринбург, 2002. 355 с.
12. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
13. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 148 с.
14. Греймас А. Ж. В поисках трансформационных моделей // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. С. 171-195.
15. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984. 268 с.
16. Журавлева Т. П. Актуализация феномена одиночества немецкими авторами XIX-XX вв. (Прагмалингвистический эксперимент) // Вестник ПГЛУ. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2013. № 1. С. 180-186.
17. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. Т. I. 912 с.
18. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2006. 464 с.
19. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд-е 6-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 264 с.
20. Кашкин В. Б. Функциональная типология (неопределенный артикль). Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. 255 с.
21. Кондаков И. М. Психология. Иллюстрированный словарь. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2007. 783 с.
22. Косиков Г. К. «Структура» и/или «текст» // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. С. 3-49.
23. Котов А. А. Угадывание эмоциональных состояний за семантическими смещениями // Скрытые смыслы в языке и коммуникации: сб. науч. ст. / ред.-сост. И. А. Шаронов. М.: Российск. гос. гуман. ун-т, 2007. С. 157-192.
24. Литвинова Т. А. Формально-грамматические корреляты личностных особенностей автора письменного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30). Ч. I. С. 132-135.
25. Матвеева Г. Г. Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению. Ростов-на-Дону: ДЮИ, 1999. 82 с.
26. Матвеева Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: дисс. ... д. филол. н. СПб., 1993. 322 с.
27. Матвеева Г. Г., Нужнова Е. Е., Тонченко Л. Н. Малая синтаксическая группа как единица прагматического исследования // Актуализация проблемы филологии и методики преподавания: межвуз. сборник. Ростов-на-Дону: РГПУ, 2001. Ч. I. С. 190-197.
28. Матвеева Г. Г., Петрова Е. И. Введение в скрытую прагмалингвистику. Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2009. 97 с.
29. Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. СПб.: Азбука-Классика, 2010. 512 с.
30. Нечаева Н. В. Некоторые прагмалингвистические особенности речевого поведения билингвов (на материале литературно-критических эссе на английском и русском языках) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31). Ч. I. С. 123-131.
31. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М.: МГУ, 1988. 208 с.
32. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001. 656 с.
33. Романова Ж. И. Особенности повествовательной структуры романа Уве Йонсона «Третья книга об Ахиме» («Das Dritte Buch Uber Achim») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30). Ч. I. С. 178-181.
34. Степанов Ю. С. В поисках прагматики: проблема субъекта // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 325-332.
35. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 312 с.
36. Стернин И. А. Коммуникативное сознание, коммуникативное поведение и межкультурная коммуникация // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. Воронеж: ВГУ, 2002. С. 21-28.
37. Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж: ВГУ, 2000. 27 с.
38. Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: Истоки, 2003. 184 с.
39. Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 360 с.
40. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990. 448 с.
41. Mann T. Tod in Venedig. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1998. 140 S.
42. Kafka F. Briefe an Felice und andere Korrespondenz aus der Verlobungszeit (Auswahl). Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1985. 269 S.
43. Searle J. R. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 292 p.

**ON RESEARCH OF VERBAL PORTRAIT
OF LITERARY TEXT AUTHOR: PRAGMALINGUISTIC APPROACH**

Zhuravleva Tat'yana Pavlovna
Pyatigorsk State Linguistic University
zhurata@bk.ru

The article is devoted to the research of the verbal portrait of narrative work author, the differentiation of literary text author and literary work author. Basing on this division, the article suggests a pragmalinguistic method for identifying the verbal behaviour of the narration subject, its parametric and statistical characteristics.

Key words and phrases: pragmalinguistics; hidden intentions; intentional state of literary work text author; subject of loneliness; literary text; literary work; hidden pragmalinguistics; verbal behaviour; verbal portrait.